

Научно-практическая статья
УДК 811.161.1'373.612.2
DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-68-79

**ВОЙНА КАК ОБЪЕКТ И ОБРАЗ МЕТАФОРЫ
В «ЗАТЕСЯХ» В. АСТАФЬЕВА
(ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Геймбух Елена Юрьевна

Московский городской педагогический университет, Москва,
Российская Федерация;
gejmbuh@rambler.ru, AuthorID: 5444-4720, <https://orcid.org/0000-0003-2129-9876>

Аннотация. Статья посвящена лингвостилистическому описанию войны как объекта и образа метафоры в сборнике миниатюр В. Астафьева «Затеси». Цель работы заключается в том, чтобы рассмотреть метафору как семантический сдвиг, при котором происходит наложение лексико-семантических полей. Выявляется и описывается семантика основных метафорических моделей («война – субъект действия», «война – безумие», «война – проклятие») и наиболее ярких метафор («военное колесо», «война – туча», «солдаты тайги», «политический заряд» и др.). Новизна и актуальность исследования определяется когнитивным подходом к анализу метафор, которые становятся репрезентантами языковой картины мира автора.

Ключевые слова: метафора, семантический сдвиг, объект метафоры, образ метафоры, признак сравнения.

Для цитирования: Геймбух Е.Ю. Война как объект и образ метафоры в «Затях» В. Астафьева (лингвостилистический аспект) // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XIX. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2025. С. 68–79. DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-68-79.

Original scientific and practical article

WAR AS THE OBJECT AND IMAGE OF METAPHOR IN V. ASTAFIEV'S "ZATESI" (LINGUOSTYLISTIC ASPECT)

Elena Yu. Geimbukh

Moscow City University, Moscow, Russian Federation;

gejmbuh@rambler.ru, AuthorID: 5444-4720, <https://orcid.org/0000-0003-2129-9876>

Abstract. This article explores the linguostylistic description of war as the object and metaphor in V. Astafiev's collection of short stories "Zatesi". The aim is to examine metaphor as a semantic shift that involves the overlap of lexical and semantic fields. The semantics of the main metaphorical models ("war as a subject of action", "war as madness", "war as a curse") and the most striking metaphors ("war wheel", "war is a cloud", "soldiers of the taiga", "political charge", etc.) are identified and described. The novelty and relevance of the study is determined by the cognitive approach to the analysis of metaphors, which become representatives of the author's linguistic picture of the world.

Keywords: metaphor, semantic shift, object of a metaphor, image of a metaphor, feature of a comparison.

For citation: Geimbukh Elena Yu. War as the Object and Image of Metaphor in V. Astafiev's "Zatesi" (Linguostylistic Aspect) // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XIX. M.: Publishing Bookselling House "Zertsalo-M" Press; MCU Press, 2025. Pp. 68–79. DOI 10.24412/2619-0656-2025-19-68-79.

© Геймбукх Е.Ю., 2025

Введение

Материалом данного исследования является книга лирических прозаических миниатюр В.П. Астафьева «Затеси», над созданием которой писатель работал всю жизнь. Если рассматривать ее в биографическом и духовном планах, то окажется, что это такие события жизни, которые оставляют «зарубки» на душе, формируют

личность и остаются с человеком навсегда, являясь как бы камертоном, по которому проверяется высота и чистота звучания современной жизни [Геймбух, 2024].

Во «Вступлении» к книге писатель дает общую характеристику своего цикла, объясняя специфику жанра своеобразием времени – личного и общественного: «...жажда исповеди, в особенности у пожилых писателей, острее чувствующих одиночество, в наш суетный век томит их, заставляет искать новые пути к собеседнику, и не случайно в последнее время очень разные писатели начали обращаться с читателем посредством коротких записей – миниатюр – таким образом можно скорее “настичь” бегущего, занятого работой, затурканного бытом современного читателя» [Астафьев, 2004]. Писатель подчеркивает значимость заглавия, хотя и вписывающегося в общую жанровую семантику произведений «пожилых писателей» (целостность при фрагментарности), но отражающего личный, индивидуальный опыт автора: «А затесь – сама по себе вещь древняя и всем ведомая – это стес, сделанный на дереве... Делали его первопроходцы и таежники для того, чтобы белеющая на стволе дерева мета была видна издалека, и ходили по тайге от меты к мете, часто здесь получалась тропа, затем и дорога, и где-то в конце возникало зимовье, заимка, затем село и город» [Астафьев, 2004].

Одним из наиболее значимых событий в жизни Астафьева была Великая Отечественная война – духовный опыт и система ценностных ориентиров писателя, неотъемлемая составляющая внутренней структуры авторского «я». В силу этого *цель* данной статьи состоит в анализе метафоры, объектом и/или образом которой становятся элементы лексико-семантического поля «война».

Первоэлементами понятийно-терминологического аппарата в описании метафоры являются объект – осмысляемое явление действительности, образ – ассоциат, который помогает понять / объяснить объект, и признак сравнения – основание для сближения. Приведем пример: «ротные связисты (объект) – окопные землеройки (образ)»; признак сравнения (редко возникающий непосредственно) виден во внутренней форме слова-образа: на передовой связисты вынуждены копать окопы, т. е. рыть землю.

Лексико-семантическим полем мы вслед за И.А. Стерниным считаем «инвентарь элементов, связанных между собой системными отношениями» [Стернин, 1985, с. 30]. При обращении

к войне и ее рассмотрению это

- ✓ участники событий: связист, бронбойщик, ефрейтор, командир, лейтенант, взводный, кашевар; пехота, батальон, рота, полк; раненый, убитый и др., в т. ч. свои (наши, мы) и чужие (фашисты, немцы, фрицы – они);
- ✓ элементы внутренней организации события: фронт, плацдарм;
- ✓ система действий: воевать, форсировать, выбить, закрепиться, подтягивать резервы; артподготовка, артналет, бой, контратака и др.;
- ✓ предметно-вещный мир: окоп, щель, ячейка для пулемета, траншея; оружие, снаряды, пулемет, миномет, пушка, осколки; гимнастерка, штаны галифе, сапоги, фуражка; медаль, орден и др.

Элементы поля складываются в лексико-семантические группы, объединяющие слова одной части речи (например, «действия»: воевать, форсировать и др.), и далее в тематические ряды (которые могут включать слова разных частей речи: «действия» – как воевать, форсировать, так и бой, атака).

Отметим еще два значимых признака поля [Стернин, 1985, с. 31]:

- ✓ «конституенты поля могут принадлежать к ядру одного поля и периферии другого поля или полей»,
- ✓ «разные поля отчасти накладываются друг на друга, образуя зоны постепенных переходов, что является законом полевой организации системы языка».

Если рассматривать метафору как семантический сдвиг, то она неизбежно располагается в зоне пересечения разных лексико-семантических полей.

В силу сказанного *задача* работы состоит в том, чтобы обнаружить специфику такого наложения при организации текста лирической прозаической миниатюры в книге В. Астафьева «Затеси». Ее итоговым корпусом стали 10 «Тетрадей», каждая из которых включает в себя несколько десятков прозаических миниатюр. Для анализа взяты 17 миниатюр (из Тетрадей 1–8), созданных писателем в 1962–1997 годах.

Основная часть

Обратимся к лексико-семантическому полю «война», представленному в конкретных миниатюрах книги «Затеси»,

и прежде всего рассмотрим, какие метафоры образует ядерный элемент поля – слово «война».

В олицетворениях война представлена как нечто, способное на целенаправленные действия: войны *приходят* («Заклятье»); *Пятерых из них взяла, изуродовала им судьбы, загнала в ранние могилы война* («Как моя тёща блюла нравственность»)¹. В первом примере несовершенный вид глагола «приходят» и множественное число существительного «войны» указывают на бесконечное повторение войн в истории человечества. Во втором примере слово «изуродовала» и фразеологизм «загнала в могилу» акцентирует внимание на роли войны в судьбе отдельного человека, причем совершенный вид глаголов подчеркивает необратимость действия.

Помимо глаголов изъявительного наклонения контекст для семантического сдвига представляют страдательные причастия прошедшего времени: *Мать, как и многие русские матери, рано **состаренная** войной* («Гимн жизни»), *войной **разбитую**, да почти **добитую** рабочую семью*; *Но я знал силу характеров войной **надломленных** и горем **подбитых** стариков Корякиных* («Как моя тёща блюла нравственность»), *открытые голубые глаза **убитого** войной немца* («Письмо фронтовика»). Во всех примерах представлен ядерный тип пассивной конструкции – с творительным падежом агенса [Замятина, 2010]. Причастия от акциональных глаголов совершенного вида выражают значение целенаправленного непоправимого действия. Среди примеров выделяется последний, в котором наличие агенса кажется излишним: можно было написать «убитого немца»; если же указывать на ситуацию гибели, то должно быть «убитого на войне». Однако для Астафьева важно подчеркнуть активный, агрессивный характер войны, которая разбивает семьи, старит матерей, надламывает стариков. Поэтому меняется семантика слова: «война» из безличного и безликого события превращается в производителя действия – «убитого войной немца».

В целом метафоры-олицетворения в «Затесях» можно привести к метафорической модели «война – агент / субъект действия». Таких метафор довольно много в миниатюрах. Гораздо меньше метафор, образом которого становится состояние субъекта действия, например, болезнь.

О войне в «Затесях» говорится как о *безумии* человеческом,

¹ Здесь и ниже цитаты из цикла миниатюр В.П. Астафьева оформлены курсивом. Выделение слов полужирным шрифтом – мое (Е.Ю. Геймбук).

в которое оно впадает не по разу в каждое столетие земного существования («Письмо фронтовика»). В этом нельзя не увидеть отголоски толстовского отношения к такому состоянию мира: война — «это противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие» [Толстой, 1940]. Но из-за того, что Астафьев использует метафору, это утверждение получает дополнительные содержательные и эмоциональные коннотации. Метафора «война – безумие» входит в метафорическую модель «война – болезнь» и является логическим продолжением толстовской идеи: противное разуму превращается в безумное. Иными словами, война существует уже не отдельно от человека, а как болезнь человечества.

Иначе осмысливается война в миниатюре «Кузяка»: *военное проклятье, нависшее над ними* [людьми]. Проклятие реализует значение «осуждение на бедствия» [Библейская энциклопедия, 2005]. Однако в миниатюре «Кузяка» нет ответа на вопрос, кто и за что обрек человечество на бесконечные войны.

Схожий образ войны появляется в миниатюре «Современные украшения»: это *военное колесо*. В данном случае явно просматривается образ неумолимо и непрестанно вращающегося колеса Сансары. Однако контекст употребления метафоры отличен от предшествующих: война рассматривается не только как вооруженная борьба между государствами, но и как подготовка к ней в мирное время. Иными словами, слово «война» (в значении представления о ней) расширяет свои пространственные и временные границы, и даже в мирное время делает людей своими потенциальными жертвами: *Вон родной город в ядовитых горях, парах и ядах плавает – то военное колесо наматывает на себя наши жизни и будущее наших детей*. Но если в движении колеса Сансары заложены общие законы бытия, то движением военного колеса управляет человек, и гнев автора направлен на власть имущих.

Обратим внимание на то, что война у Астафьева не только вокруг человека или *рядом* с ним («Письмо фронтовика»), война нарушает границы человека и проникает внутрь: *Ведь должна же, должна когда-то заглухнуть война в сердце, раз она замолкла на земле!* («Горсть спелых вишен»). Война в сердце – как память – не подчиняется физическим законам (*война для меня никак не кончалась*) («Горсть спелых вишен») и остается с человеком навсегда. В «Последнем осколке» лирический герой молит: *Дай*

*Бог, чтоб последний **осколок** ушел из меня, из всех нас, бывших воинов, и никогда, ни в чьем теле больше не бывал.* Отметим, что в событийном сюжете слово «осколок» выражает прямое значение: во время войны солдат получает осколочное ранение, часть мелких осколков остается в руке, но с течением времени они начинают двигаться и выходят из тела. Однако как в рамках отдельной миниатюры, так и в книге в целом «последний осколок» воспринимается как память о войне, которая постоянно напоминает о себе телесной и душевной болью, т. е. реализует метафорическое значение.

«Война» становится в миниатюрах Астафьева объектом «природных» метафор: внук героини, Одарки, *махнул рукою в ту сторону, откуда **вечной тучей** приходят войны* («Заклятье»). Слово «туча» употребляется здесь в значении «опасность, беда, угроза» [Словарь русского языка, 1999, т. 4. с. 430]. Хотя слово и входит в поле «природные объекты», оно одновременно является элементом более обширного поля «опасность, беда», в центральной части которого находится и «война».

Как правило, в основе метафорического переноса лежат сущностные характеристики предмета или явления (туча – «опасность, беда»; осколок – «ранение, боль»; проклятье – «осуждение на бедствия» и др.). Однако есть метафоры, основой переноса в которых становятся внешние признаки: ротные связисты – *окопные **землеройки*** (здесь признак сравнения – функция: «рыть землю»; миниатюра «Как лечили богиню»), немцы ***поливали передовую*** (т. е. «направляли что-л. в большом количестве на кого-, что-л.» [Словарь русского языка, 1999, т. 3, с. 259]; миниатюра «Как лечили богиню»), *Со всех сторон в деревню раненые **текли*** (т. е. «шли, двигались сплошным, непрерывным потоком, массой» [Словарь русского языка, т. 4, с. 364]; миниатюра «Последний осколок»).

Мы рассмотрели метафоры, в которых война и некоторые другие слова данного лексико-семантического поля (связисты, осколок и др.) выступают как объект метафоры. Обратим внимание на метафоры, в которых война и ее признаки становятся образом метафоры.

Довольно часто в изображении природных объектов используется слово «воинственный» в значении «готовый к столкновению, спору, драке»: *Но никто на него [окунька] не нападал, и он бочком, бочком соскользнул в воду*

да как помчится по самому верху, прочеркивая гладь **воинственно** поднятым гребешком («Земля просыпается»), **воинственно** подпрыгивали распутившиеся косачи («Вкус талого снега»). Переносное значение слова «воинственный» при описании живой природы лишено отрицательной коннотации и воспринимается как органичное свойство предмета изображения.

Однако это же слово при характеристике человека, не имеющего отношения к военным действиям и не связанного с войной, в «Затесях» часто приобретает ироническое звучание: *опасливо оглянулся на **воинственную** даму – не преследует ли? <...> Дама в жемчугах **разряжала** политический **заряд** уже в другого («Афганец у ног президента»)*. Использование метафоры «политический заряд», с одной стороны, усиливает иронию повествования, а с другой – демонстрирует пересечение «военного» лексико-семантического поля и «мирного», что выражает резкое неприятие автора, который выступает против перенесения военных методов в обычную жизнь.

В цикле миниатюр «Затеси» есть контексты, в которых одно и то же слово употребляется одновременно и в прямом значении, и в составе метафоры: *Первые **солдаты тайги**, согнутые, но непокоренные <...> низкий поклон им от бывшего **солдата** российского, который знает, как трудно быть первым («Марьины корни»)*. «Солдаты тайги» – это цветы, причем в данном контексте явно присутствует признак сравнения (*согнутые, но непокоренные*), на основании которого цветы сравниваются с солдатами. Отражение друг в друге сущностной близости таежных цветов и российских солдат усиливает положительные коннотации образов.

Еще одна необычная метафора представлена в миниатюре «Окно»: *"**В самоволке находятся сны**" – как сказал один солдат с поэтическими замашками*. Сон как самоволка – метафора, подчеркивающая непредсказуемость и стихийность сновидений, как бы осколок мирного времени в жесткой упорядоченности военного бытия.

Но гораздо чаще перенесение характеристик, связанных с войной, на мирное время показывает неустроенность и даже трагичность обычной жизни: *Оглохла земля, коростой покрылась. Если что и растет на ней, то растет в заглушье, украдкой, растет кривобоко – **изуродованное, пораненное, битое, обожженное...** («Хвостик»); Э-эх, Россия-мати <...> Иль тебе,*

больной, израненной, истерзанной – уж все равно? («Ужасная дыра»).

Слова, которые Астафьев включает в метафорическое описание послевоенной действительности, являются элементам лексико-семантических полей «болезнь» и более узкого «травма»: *земля оглохла, коростой покрылась; растительность на ней вся изуродованная, пораненная, битая, обожженная; Россия больная, израненная, истерзанная*. Страдательные причастия прошедшего времени так же, как при описании войны, подчеркивают необратимость изменений. Усилению значения способствует полная форма прилагательного (*больная*), которая в системе русского языка подчеркивает постоянный признак, вневременное качество (в отличие от краткой формы «*больна*», указывающей на временный признак, преходящее состояние). В приведенных метафорах (*земля оглохла, Россия больная* и др.) нет позиции агенса, однако в общем контексте миниатюры есть указания на производителя действия. В миниатюре «Ужасная дыра» это *хозяева отечества нашего, жители, буфетчица, уборщица, шабашники, бродяги, девицы, перекупчики, начальственный народ, промысловый народ, налетчики, Божии чада*. Ироничное *Божии чада* по отношению к *налетчикам* завершает миниатюру и размышления писателя над отношением человека к природе и родине: *Э-эх, Россия-мати, тех ли ты Божиих чад ждала и селила на своих просторах, в своем доме?* Хотя метафора «Россия – дом» и не относится к военным, она помогает понять, кто и почему, по Астафьеву, приводит к тому, что и в мирное время родина выглядит израненной и истерзанной. Характеристика всего длинного ряда персонажей миниатюры обобщена в слове *налетчики*: это люди, которые обирают богатую сибирскую землю, не давая ей взамен ни капли заботы; они относятся к своей земле, как к чужой (вернее, в «Затесях» своя земля для таких людей – только собственный участок, а «общие» леса, поля, реки воспринимаются как чужие).

Выводы

Итак, мы проанализировали ряд «военных» метафор. Если рассматривать эти метафоры как «пересечение» сфер военного, человеческого и природного, то окажется, что меньше всего область «пересечения» войны с природой (хотя, например, *туча* и *война* являются элементами более обширного поля

«опасность, угроза»). *Воинственный* по отношению к природе и человеку имеет разную коннотативную окраску: *воинственный* окурек или косач реализуют свои сущностные признаки, данные им природой. А *воинственная дама* показана сатирически, как нечто, нарушающее гармонию жизни. Природа становится жертвой не только собственно военных действий (*На том месте, где был сад-огород, – что-то вывернутое, израненное, в клочья разбитое, скомканное, разверстое – следы чудовищно-громадной силы и злой, бессмысленной работы*). Миниатюра «Травинка»), но и такого поведения людей, когда по отношению к родной земле они выступают как *налетчики*.

Сфера пересечения войны и человеческого гораздо обширнее: «война» превращается в производителя действия (*приходят войны, убитого войной немца* и др.), воспринимается как «безумие» человечества (метафорическая модель «война – болезнь»), а из цикла миниатюр в целом становится ясна и причина войн – как «проклятия, нависшего над людьми», когда человек расплачивается за недолжное отношение к природе и к себе подобным.

Лексико-семантическое поле «война» накладывается и на поле «внутренний мир человека», прежде всего – лирического героя, у которого «война в сердце», «осколки» в теле и в душе. Но если в ранних миниатюрах в сердце пишущего была только боль за погибших на войне, за изуродованные войной судьбы людей, то в последних «затесях» (тетради 9 и 10) война как враждебное отношение ко всему окружающему постепенно заполняет душу лирического героя, который видит вокруг только злобу и ненависть.

Источники

Астафьев В.П. Затеси (тетради 1–8) // Астафьев В.П. Печальный детектив. Избранное. М.: ЭКСМО, 2004. С. 153–991. URL: <https://fantlab.ru/work111517>

Библейская энциклопедия / [Никифор (Бажанов)]. М.: РИПОЛ классик, 2005. 795 с. (Библиотека энциклопедических словарей). URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Nikifor/biblejskaja-entsiklopedija/3206>

Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Институт лингвистических исследований. 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. 3. П–Р; Т. 4. С–Я.

Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.:

в 90 тт. Т. 11. М.: ГИХЛ, 1940. URL: <https://tolstoy.ru/online/90/11/>

Литература

Геймбух Е.Ю. Свое и чужое в «Затесях» В.П. Астафьева (к 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 3. С. 55–62.

Замятина И.В. Грамматика русского причастия: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 34 с.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: ВГУ, 1985. 139 с.

References

Sources

Astafiev V.P. (1). *Zatesi* [Notches] (notebooks 1–8) // Astafiev V.P. *Pechal'nyy detektiv. Izbrannoye* [The Sad Detective. Selected]. M.: EKSMO Press, 2004. Pp. 153–991. URL: <https://fantlab.ru/work111517>

Biblejskaja jenciklopedija [Bible Encyclopedia] / [Nikifor (Bazhanov)]. M.: RIPOD Classik Press, 2005. 795 p. (*Biblioteka jenciklopedicheskikh slovarej* [Library of Encyclopedic Dictionaries]). URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Nikifor/biblejskaja-entsiklopedija/3206>

Slovar' russkogo jazyka: v 4-h tt. [Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.] / Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Studies. 4-th ed., steriotyp. M.: *Russkij jazik* Press; *Polygraphresources* Press, 1999. T. 3. P–R, T. 4. S–Ya.

Tolstoy L.N. *Voyna i mir* [War and Peace] // Tolstoy L.N. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works]: in 90 vols. M.: State Publishing House of Art Literature, 1940. Vol. 11. URL: <https://tolstoy.ru/online/90/11/>

Literature

Geimbukh E.Yu. *Svoje i chuzhoye v «Zatesyakh» V.P. Astaf'yeva (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya* [Own and Alien in V.P. Astafiev's "Zatesy" (on the 100-th Anniversary of His Birth)] // Russian Language at School. 2024. Vol. 85, № 3. Pp. 55–62.

Zamyatina I.V. *Grammatika russkogo prichastija: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk* [Grammar of the Russian Participle: abstract of diss. ... Doctor of Philological Sciences]. M., 2010. 34 p.

Sternin I.A. *Leksicheskoe znachenie slova v rechi* [Lexical Meaning of a Word in Speech]. Voronezh: Voronezh State University Press, 1985. 139 p.

Сведения об авторе

Геймбук Елена Юрьевна – доктор филологических наук, профессор; профессор департамента филологии института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет. Научные интересы: текст художественный и нехудожественный.

Information about the Author

Elena Yu. Geimbukh – Dr. Sc. (Philology), Professor; Professor of the Department of Philology of the Institute of Humanities, Moscow City University. Research interests: fiction and non-fiction text.